

ЕВГЕНИЙ
ЧЕРНОСВИТОВ

Петрашевцы
и Мы

Евгений Черносвитов

Петрашевцы и мы

«Издательские решения»

Черносвитов Е.

Петрашевцы и мы / Е. Черносвитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508854-3

О декабристах написано много. И сейчас декабризм муссируемая тема. А вот петрашевцы — «закрытая» тема. Наверное, потому, что актуальна. Парадокс?! Ключевой фигурой петрашевцев является Рафаил Александрович Черносвитов. Да, не Петрашевский и не Достоевский, а Черносвитов. Кстати, мало кто знает, что именно Р. А. Черносвитов связал декабристов с петрашевцами. Именно он назвал «бунтовщиков 1825 года» «декабристами». «Петрашевцы и мы» — чрезвычайно актуальна, уже только поэтому её нужно читать сейчас!

ISBN 978-5-00-508854-3

© Черносвитов Е.
© Издательские решения

Содержание

Время и место действия – Россия в сороковых годах XIX века ²	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Петрашевцы и мы

Евгений Черносвитов

Редактор Леонид Анатольевич Фролов

Редактор Екатерина Александровна Самойлова

Редактор Марина Альфредовна Черносвитова

Дизайнер обложки Оксана Альфредовна Яблокова

© Евгений Черносвитов, 2019

© Оксана Альфредовна Яблокова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8854-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Леониду Анатольевичу Фролову, советскому, русскому писателю, давшему название этой книге, с благодарностью.

«Ce que le jour doit a la nuit»¹

«От человека можно отделаться, от идеи нельзя»

М. С. Лунин

«Хорошая идея, но надо делать»

Р. А. Черносвитов

«...Главной мыслью, главной идеей, главным предметом должна быть Русь,

и это начало должно быть Русь,

и это начало должно быть развиваемо во всех направлениях»

М. В. Петрашевский

История персонифицируется в людях и, как они, обретает свою биографию. Михаил Сергеевич Лунин не был 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, но при слове «декабрист» первым возникает его образ. Рафаил Александрович Черносвитов в качестве гостя посетил 2—3 «пятницы» М. В. Петрашевского, но, пройдя через Петропавловскую крепость по делу петрашевцев, военно-судебной комиссией был оставлен «в сильном подозрении» и сослан на пять лет в Кексгольмскую крепость. Кстати, находясь в тюремной камере Петропавловки и отвечал письменно на вопросы следственной комиссии, он, как полагает академик М. В. Нечкина, одним из первых назвал восставших на Сенатской площади «декабристами». Р. А. Черносвитов – личность удивительная и судьбы необычной. Как Петрашевский олицетворял собой революционное настроение предреформной столицы, так Черносвитов – глубинки России.

Все началось со слов родственника Юрия Александровича Новокрещенова, приехавшего в командировку из Забайкалья (где он постоянно проживает вот уже 20 лет) в Москву, а раскольники наши помнят твоего предка золотопромышленника Черносвитова. Говорят, что он предлагал Петрашевскому свои миллионы, чтобы начать новую Болотниковскую войну, освободить крестьянство от крепостничества, а Урал, Сибирь и Дальний Восток объединить в самостоятельное подлинно русское государство. Разговор этот произошел год назад, когда

¹ «Как ясный день среди тёмной ночи.» (пер. фр.)

авторы этой статьи усиленно работали над историей декабристов, изучая многочисленные опубликованные и неопубликованные литературные и архивные материалы. О петрашевцах, по сравнению с декабристами, написано чрезвычайно мало. О Черносвитове и того меньше. Из энциклопедических словарей последних пятидесяти лет как петрашевец он вообще исчез. А в появившейся за эти годы скудной литературе о петрашевцах, о нем если и говорится, то в пренебрежительных тонах или как о случайном посетителе кружка Петрашевского, «болтуне, а может быть шпионе». При этом ссылаются на Ф. М. Достоевского.

«Вопрос о земле, раскольники, Русский вопрос», – этого было вполне достаточно для нас, чтобы переключиться от декабристов к петрашевцам. А тут еще и «личный мотив»: «Да ты, Евгений, – подзадорил Юрий Александрович – копия петрашевец Черносвитов, твой предок! Хочешь вышлю тебе его фотокарточку из дореволюционного журнала. Приобрел, по случаю».

Вот таким образом мы и обратились сначала к семейному архиву Черносвитовых, а затем и государственным, чтобы узнать подробнее о Рафаиле Александровиче. И были поражены не только силой и привлекательностью его удивительной личности, но временем, когда он появился в нашей истории: «Да ведь это сегодняшние дни! Да ведь это наши проблемы!» По кругу Россия пошла, по кругу! Появилась твердая уверенность – нужно написать об этом – статью, книгу. И нужно... нужно заставить заговорить архивные документы, Так и попытались мы в этой статье сделать – привести подлинные, недоступные ранее широкому читателю, материалы.

Вот таким образом мы и обратились сначала к семейному архиву Черносвитовых, а затем и государственным, чтобы узнать подробнее о Рафаиле Александровиче. И были поражены не только силой и привлекательностью его удивительной личности, но временем, когда он появился в нашей истории: «Да ведь это сегодняшние дни! Да ведь это наши проблемы!» По кругу Россия пошла, по кругу! Появилась твердая уверенность – нужно написать об этом – статью, книгу. И нужно... нужно заставить заговорить архивные документы, Так и попытались мы в этой статье сделать – привести подлинные, недоступные ранее широкому читателю, материалы.

Вот таким образом мы и обратились сначала к семейному архиву Черносвитовых, а затем и государственным, чтобы узнать подробнее о Рафаиле Александровиче. И были поражены не только силой и привлекательностью его удивительной личности, но временем, когда он появился в нашей истории: «Да ведь это сегодняшние дни! Да ведь это наши проблемы!» По кругу Россия пошла, по кругу! Появилась твердая уверенность – нужно написать об этом – статью, книгу. И нужно... нужно заставить заговорить архивные документы, Так и попытались мы в этой статье сделать – привести подлинные, недоступные ранее широкому читателю, материалы.

Время и место действия – Россия в сороковых годах XIX века²

Время петрашевцев еще не осмысленно так, как время декабристов. В литературе декабризм – это пушкинское время. А время петрашевцев? Белинского? Салтыкова-Щедрина? Достоевского? Петрашевский период в нашей истории не имеет аналогов в прошлом. Он весь из будущего, отражает его, предопределен им, и время истории течет вспять к сороковым годам прошлого века от нынешнего дня или от дня грядущего. Место действия не меняется – Россия. Да и время, по сути, остается «на месте», как в броуновском движении бег пылинок, взвешенных в капле воды. Таким образом, условия для классической драмы петрашевцам было предуготовлено историей. Абсолютная монархия с III Отделением и жандармерией сословное строение общества при тотальной зависимости трудящихся от паразитических классов: сословность высшего чиновничества, сословность офицерства, сословность в системе образования, здесь же церковь – духовный оплот самодержавной власти. А фундаментом этого строения было крепостничество. «Помещик – самый надежный оплот государя, – писал Л. Дубельт, управляющий III Отделением. – Уничтожь эту власть, народ напрует и нахлынет со временем на самого царя...» При полном отсутствии демократических свобод – слова, печати, представительных учреждений – общественная жизнь пульсировала в многочисленных кружках интеллигенции. Они были разные, кружковцы. Славянофилы, консервативные политически, но ставившие в центр своих интересов судьбу русского народа. Западники, стремившиеся к европеизации России или к ее американизации (нация – штат, взаимоотношение между нациями, как штатами в Америке). Были русские либералы с их вольнодумными разговорами и резкими словами против правительства, требовавшие «водворения правды». Идея законности для них не разрушала, а поддерживала существующий порядок. Были и «бюрократы-реформаторы», чиновники министерств и ведомств, профессора университетов. Таким образом, общественный лагерь был разнороден, плюрализм мнений тогда был навязчивой реальностью. И все-таки это духовное брожение было одной закваски. Действительно, все, кто объединялись в кружки, были петрашевцами. Петрашовец Д. Ахшарумов писал: «Оставшихся на свободе людей одинакового с нами образа мыслей, нам сочувствующих, без сомнения, надо было считать не сотнями, а тысячами». «Чрезмерно большее число, в сравнении со стоявшими на эшафоте, но совершенно таких же, как мы, петрашевцев, осталось совершенно нетронутым и необеспокоенным, – писал Ф. Достоевский. – Правда, они никогда и не знали Петрашевского». Молодой Л. Н. Толстой (он закончил Казанский университет в 1847 г.) тогда создавал образ Оленина, героя «Казаков», которому «открылось, что все наше гражданское устройство есть вздор, что религия есть сумасшествие, что наука, как ее преподают в университете, есть дичь, что сильные мира сего большей частью идиоты или мерзавцы, несмотря на то, что они владыки». Все хотели перемен, по-разному представляли пути к ним. Вот, например, М. В. Петрашевский в 1846 г., когда было реформировано в Петербурге городское сословное самоуправление, выставил свою кандидатуру в секретари Городской думы. Выпустил литографированную «программу», в которой разъяснял обязанности избирателей и депутатов, задачи, которые должна решать Дума (хозяйственные, устранив от этих дел полицию; юридические – с соблюдением законности, ослабляющей позиции власти и др.). А Александр Баласогло возлагал надежды на освоение Сибири и Дальнего Востока. В том же, 1846 году, став членом вновь основанного Русского географического общества, Баласогло разработал проект экспе-

² Авторы собрали уникальный архивный и литературный материал о декабристах и петрашевцах и работают над книгой: «Лунин и Черносвитов. Слово и дело декабриста и петрашевца».

диции по описанию Сибири и Восточного океана, в которой хотел участвовать. Он работал с Геннадием Невельским над поиском прохода из устья Амура в Тихий океан. В 1847 году Баласогло составил для Н. Н. Муравьева – генерал-губернатора Восточной Сибири, исторический обзор об освоении Россией Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана. Переосмысливали петрашевы и нашу историю. Много спорили об Иване Грозном и Петре Великом. Они осуждали славянофильскую идеализацию допетровской старины, считали Петра народным героем. Но и Иван Грозный был для них великим монархом, сделавшим много для построения, и укрепления государства Российского. Петрашевы были за парламентарный строй, подкрепленный демократическими институтами. Они считали, что борьба различных партий, разногласие их интересов есть элемент жизни и движения, залог здоровья и прочности политического организма. Борьба партий разоблачает все немощи и болезни общества, предохраняет разум общественный от апатии, застоя и захирения, устраняет пагубный рутинизм и старообрядство из администрации. Петрашевский настаивал на существовании легальной и «законной» оппозиции правительству. В кружке Петрашевского, да и в других горячо спорили, какое правительство «подходит» для России – республиканское или конституционная монархия? Ну, а суд? Он, конечно же, должен быть судом присяжных, как в Англии. Тогда восторжествует справедливость. А пока... Внешний признак отсутствия справедливости, – писал Петрашевский в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, – есть взяточничество». А пока... В России нет правительства, потому что «правительство есть общество, принявшее на себя обязанности заботиться о благе своего народа». «Я желал полной и совершенной реформы быта общественного», – там же продолжал Михаил Васильевич. Но чуть позже молодой Чернышевский провозгласил: «Требуется избавить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей... чтобы он мог пить, есть, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться мужчины – трупами или отчаянными, а женщины – продающими свое тело... Не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого». Именно тогда осмысливались основные социалистические лозунги, такие, например, как: *A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses ou ouvres*³. Этот лозунг парадоксалист петрашевец Ястржембский считал богоотступным, то есть, противоречащим нашей совести. А духовных протцов и отцов свободы, равенства и братства с Западом – «Граков, Лициния, Руссо, Сен-Симона, Фурье и Луи Блана» называл не иначе, как «поврежденными». Да, вопрос об управлении был одним из основных вопросов, над которыми бились в жарких баталиях петрашевы. Единодушно они приходили только к тому, что «управление должно быть дешевым». «Социализм и Россия, – писал Петрашевский, – вот две крайности, вот два понятия, которые друг на друга волком воют... и согласить эти две крайности должно быть нашей задачей». Витала в духовной атмосфере петрашевцев и такая идея – превратить Россию в страну «фаланстерию» (от «фаланги» Шарля Фурье, французского утопического социалиста, – ячейки предполагаемого общежития, где на основе стирания грани между промышленным и сельскохозяйственным, умственным и физическим трудом возникнет всеобщая гармония и расцветут все человеческие способности... Лучше об этом узнать от Герцена, перечитав «Кто виноват?»). Да, тогда ходили слухи, что сам М. В. Петрашевский попытался организовать фаланстер для крестьян принадлежавшего ему выселка из семи дворов. На рождество 1847, в ночь, крестьяне сожгли эту фалангу – благоустроенный огромный общий дом со всем его имуществом, прожив в нем всего несколько суток.

Перед тем, как петрашевцев арестовали (21 апреля граф А. Ф. Орлов представил царю списки петрашевцев «с описанием действий каждого из них и с означением их жительства». Николай I тогда торжественно провозгласил: «Я все прочел; дело важное, ибо ежели было

³ Каждому по способности, каждой способности по ее делам. (пер. фр.)

только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо. Преступить к арестованию... С Богом! Да будет воля Его!», арест производился после очередной «пятницы», как всегда в России, в ночь, с 22 на 23 апреля; затем царь, словно оправдываясь перед комендантом Царского Села, сказал: «Представь себе, эти чудовища хотели не только убить меня, но и уничтожить всю мою семью»), напряжение в народе было так велико, что, казалось, близится и надвигается какой-то страшной силы взрыв. Либерал А. П. Беклемишев писал: «Идея свободы, как электрическая искра, пробежала по деревням и селам, умы крестьян в брожении, страсти разгораются... Общий крик: «государь хочет нас сделать свободными, а бояре ему мешают». Да, он знал положение дел в стране, ибо был высокопоставленным чиновником министерства внутренних дел. Но это знали, чувствовали и петрашевцы и тоже, несомненно, готовились... «У силы без схватки промахи да упадки». Это сказал Петрашевский о правительстве. И еще: «масса всегда против правительства». И стоял вопрос, рожденный от встречи столицы (в лице Петрашевского) и глубинки (в лице Черносвитова): «идея хорошо, но **как делать**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.